

А.В. ЗАЙКОВ
Екатеринбург

СПАРТАНСКИЕ КСЕНЕЛАСИИ¹

Ксенеласия (изгнание иностранцев) вместе с криптией (тайными предприятиями против илотов), сисситиями (совместными трапезами) и агоге (системой воспитания) традиционно входит в число тех «физиогномических» черт, которые придают облику Спарты его неповторимость и мгновенную узнаваемость². Практика изгнания и недопущения на свою территорию иноземцев кажется для спартанской политики настолько естественной и само собой разумеющейся, что в современной литературе возник образ некоего «железного занавеса», отгородившего Лакедемон от всего остального эллинского мира. Однако, при более пристальном знакомстве с античными свидетельствами о ксенеласии, с одной стороны, и о контактах лакедемонян с иностранцами, с другой, обнаруживается, что указанное средство спартанской политики вряд ли может претендовать на роль фундамента в той мощной стене, которая, якобы, к VI в. до н. э. прочно изолировала Спарту и сохраняла эту изолированность вплоть до конца V в. до н. э.

Впрочем, античные источники не дают нам подробного и скольконибудь полного описания спартанской ксенеласии. Мы имеем, как правило, либо беглые упоминания, либо случайные намеки на эту практику. В данной статье будет предпринята попытка представить в систематизированном виде ту информацию, которую можно получить на основе

© А.В.Зайков, 1999.

¹ Должен выразить свою искреннюю признательность доктору Х.-Ф. Байеру (Екатеринбург) и доктору К. Таплину (Ливерпуль), без чьей помощи я был бы не в состоянии познакомиться со всеми материалами, необходимыми для написания данной статьи.

² Специально спартанской ксенеласии посвящены следующие статьи: А. Krebs. *Xénélasia//Daremberg-Saglio*. 1919. T. V. P. 1006–1008; H. Schaefer. *Xenelasia//RE*. IX. A 2 (1967). Col. 1436–1038 (в этих двух энциклопедических статьях читатель найдет ссылки на старую литературу); St. Rebenich. *Fremdenfeindlichkeit in Sparta? Überlegungen zur Tradition der spartanischen Xenelasie//Klio*. 1998. T. 80. S. 336–359 (о существовании последней работы я узнал лишь тогда, когда моя статья была уже полностью готова). Из новейшей литературы следует назвать также две монографии общего характера, в которых проблеме ксенеласии уделяется достаточно много внимания: M. Nafissi. *La nascita del Kosmos. Studi sulla storia e la società di Sparta*. Napoli, 1991. P. 267–271, 350–352; B.L. Thommen. *Lakedaimonion Politeia. Die Entstehung der spartanischen Verfassung*. Stuttgart, 1996. S. 77, 145–146, 151.

анализа этих разрозненных свидетельств. Главные вопросы, которые мы попытаемся здесь разрешить, заключаются в следующем:

- * Какова история термина, обозначавшего интересующий нас институт?
- * Можно ли из древних источников узнать о каких-либо конкретных случаях применения ксенеласии? Если да, то какие именно прецеденты могут быть восстановлены? И, в связи с этим, какие поводы приводили данный механизм в действие?
- * Кто становился объектом ксенеласии и кто ее осуществлял? Какова была ее процедура?
- * Каким временем можно датировать существование этой практики?
- * Каково отношение к спартанской ксенеласии за пределами Лакедемона?

Начнем с терминологии. Существительное ἡ ξενηλασία и глагол ξενηλατεῖν являются составными и семантически совершенно прозрачными: «изгнание чужаков», «изгонять чужаков». Существительное впервые зафиксировано в «Истории» Фукидида, где Перикл в своих речах дважды использует его, имея в виду спартанскую практику [Thuc. I. 144. 2; II. 39. 1]; в обоих случаях употреблено множественное число – факт весьма примечательный.

Глагол впервые обнаруживается в «Птицах» Аристофана; и здесь также присутствует прямая ссылка на Лакедемон [Aristoph. Av. 1013].

Затем мы встречаемся с термином «ксенеласии» (опять во множественном числе) в «Протагоре» Платона, который вкладывает его в уста Сократа, излагающего мифологему о том, как спартанцы, изгоняя чужаков, получают возможность приобщаться к истинному знанию в общении со своими собственными мудрецами [Plato Prot. 342 b–d]. Значительно позднее, в «Законах», Платон еще дважды употребит слово «ксенеласии», но теперь этот термин будет у него носить явно негативную окраску, означая грубую и неразумную меру, проявление самоуправства и тяжелого нрава. Причем речь здесь пойдет не о лаконцах, эти ксенеласии будут приписаны египтянам – своеобразный прием, помогающий философу избежать прямой критики в адрес мифологизируемой им Спарты [Plato Legg. 950 b; 953 e].

Далее, рассматриваемый термин обнаруживается в «Лакедемонской политике» Ксенофонта, который говорит, что в старые добрые времена в Спарте осуществляли «ксенеласии» ради сохранения в неприкосновенности образа жизни, введенного Ликургом [Xen. Lac. 14. 4].

Аристотель во 2-й книге «Политики» называет «ксенеласии» среди средств, используемых на Крите [Aristot. Pol. 1272 b 17]. Как известно, критский государственный строй типологически весьма близок спартанскому.

Историк Феопомп (IV в. до н. э.), рассказывая о каком-то конкретном случае изгнания иностранцев из Лакедемона, впервые употребляет данный термин в единственном числе [Theop. apud Schol. Aristoph. Av. 1013 = FGrH 115 F 178].

Историк III в. до н. э. Гекатей из Абдеры использует пассивное причастие «подвергнувшиеся ксенеласии» в рассказе об исходе евреев

во главе с Моисеем из Египта [Hecateus Abderita *apud* Diod. Sic. XL. 3 = Phot. *Bibl.* 244 p. 380 a 7 = FGrH 264 F 6. 2]; чуть ниже, повествуя о древнееврейских установлениях, он сообщает о «собственной ксенеласии», с помощью которой у евреев была введена «нелюдимая и негостеприимная жизнь» [FGrH 264 F 6. 4]. Следует обратить внимание на следующие два обстоятельства: а) автор употребляет существительное в единственном числе, причем речь у него идет об изгнании *вообще*, а не о каком-то конкретном прецеденте; б) во всем пассаже нет ни малейшего намека на спартанскую практику. Похоже, слово ἡ ξενηλασία начинает утрачивать свой конкретно-исторический характер и превращается в некое более или менее абстрактное понятие; то же самое происходит и с глаголом ξενηλατεῖν, который становится теперь обычным синонимом таких глаголов, как ἐλαύνειν «изгонять» и ἐκρίλτειν «прогонять».

Это подтверждается и словоупотреблением географа Эратосфена (также III в. до н. э.), который ничего не говорит о спартанцах и заявляет, что «ксенеласия является обычаем, общим для всех варваров» [Eratosth. *apud* Strabo XVII. 1. 19]. Здесь мы впервые встречаемся с определением ксенеласии как некоего «обычая» – ἔθος.

Далее, интересующий нас глагол использован у Полибия в речи этолийского посла Хлеона, произнесенной в Спарте в 210 г. до н. э. Посол, ища союза с Лакедемоном против македонского царя Филиппа, напоминает о том, как в свое время диадохи жестоко обращались с эллинами, в частности, как обошелся Антипатр с афинянами после Ламийской битвы. «А те, кто спасся, – добавляет посол, – изгонялись из всей Эллады» [ἐκ πάσης ἐξενηλατοῦντο τῆς Ἑλλάδος – Polyb. IX. 29. 4]. Здесь, как мы видим, глагол не несет на себе никакого специфического оттенка. Вероятно, Полибий выбирает именно его из синонимического ряда по той причине, что речь произносится перед спартанцами, а потому и термин взят такой, который в Спарте имеет особый смысл.

Дионисий Галикарнасский, говоря о том, как неохотно и лакедемоняне, и фиванцы, и афиняне давали гражданские права чужакам, добавляет: «Умолчу о тех, которые даже изгоняют иностранцев» [ξενηλατοῦντες ἔνιοι – Dionys. Hal. *AR.* II. 17. 1. 1–2] – явный намек на Спарту.

Иудейско-эллинистический философ Филон Александрийский (ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.), рассказывая об исходе из Египта и последующих обычаях евреев, вновь упоминает заведенную у них «нелюдимость и ксенеласию» [Philo Judaeus *De specialibus legibus.* II. 146. 1] (см. выше о Гекатее из Абдеры).

Иосиф Флавий в сочинении «Против Апиона», сравнивая отношение к иностранцам у иудеев и у эллинов, говорит, что даже лакедемоняне, пользующиеся среди греков самой доброй славой, «осуществляли ксенеласию» [Joseph. *Contra Ap.* II. 36. 3–4]. Обратим вновь внимание на множественное число существительного. Автор, используя какие-то древние источники, имеет в виду не изгнания *вообще*, речь у него идет не о каком-то *обычае*, но об отдельных мероприятиях.

Слово «ксенеласия» чаще других авторов использовал Плутарх. Хотя из семи случаев его применения в пяти речь идет о Спарте, словопотребление Плутарха наиболее явственно показывает ту семантическую трансформацию, которой подвергся данный термин. Автор из Херонеи вполне оценил колорит этого слова и добавил его в свою художественную палитру. Оно, однако, совершенно утратило у него специфическое узкое значение, приобретя еще более широкий семантический ареал. Здесь «ксенеласия» уже не просто «изгнание» каких-либо лиц, а «удаление», «избавление» от чего-либо ненужного, «запрещение» чего-либо вредного или опасного. Так, спартанский законодатель Ликург «осуществил ксенеласию всего бесполезного» [Plut. Mor. 226 d]. Спартанцы изучали грамоту только в меру необходимости, «прочие же виды образования подвергали ксенеласии» [ibid. 237 a]. Ликург «также и ксенеласии ввел (καὶ ξενηλασίᾳς δ' ἐισήγατο), чтобы проникнувшие не оказались для граждан учителями чего-либо дурного» [ibid. 238 e]. Обратим внимание, что в последнем примере автор использует множественное число, и термин сразу возвращается к своему изначальному узкому смыслу – «некие мероприятия по удалению из страны нежелательных чужеземцев». Однако в трактате «О стремлении к богатству» Плутарх вновь говорит о «мудрой и благоразумной ксенеласии бесполезных вещей» [ibid. 527 b–c]. В «Застольных беседах», обсуждая пифагорейское предписание не допускать в доме присутствия ласточек и возможную связь этого запрета с известным мифом о том, как за детоубийство Филомела была превращена в ласточку, а Прокна в соловья, один из участников разговора отвергает это предположение, заявляя, что соловья-то, в отличие от ласточки, «не изгоняют» [οὐδὲ ξενηλατοῦσιν – ibid. 727 e]. В биографии Ликурга Плутарх заставляет своего героя «подвергнуть ксенеласии бесполезные и лишние ремесла» [idem. Lys. IX]. В биографии Агиса царь Леонид приписывает Ликургу мнение, что город не может быть здоров, «не пользуясь ксенеласиями» – вновь множественное число и вновь возврат к изначальному смыслу термина [idem. Agis. X].

Элий Аристид, оратор II в. н. э., в одной из своих речей сомневается, стоит ли считать «ксенеласию» у эллинов столь значительной, какой она и у лакедемонян-то не была [Aelius Arist. Or. XLVI. 292. 17–20]. Похоже, что без всякого ущерба для смысла при переводе данного отрывка вместо термина «ксенеласия» можно было бы использовать, к примеру, слово «ксенофобия».

Элиан в рассказе об иллирийских городах Аполлонии и Эпидамне утверждает, что жители первой «осуществляли ксенеласии в соответствии с лакедемонским законом» [κατὰ τὸν Λακεδαιμόνιον νόμον], тогда как жители второго позволяли любому желающему приходить и поселиться у них [Aelian. VH. XIII. 16]. Здесь впервые говорится о каком-то лакедемонском законе, по которому изгонялись иноземцы. Впрочем, Элиан, вероятнее всего, имеет в виду то же самое, что и Эратосфен – некий обычай, обыкновение жить нелюдимо, не допуская и изгоняя чужаков со своей территории (см. выше).

У Флавия Филострата в «Жизнеописании Аполлония Тианского» Феспсион в пылу полемики явно преувеличивает, заявляя, что лакедемоняне применяют ксенеласию ко всем подряд [ξενηλασίᾳ χρώμενοι ἐς πάντας – Philostr. *Vita Apoll.* VI. 20]. Чуть ниже он употребляет то же выражение, но термин стоит во множественном числе – ξενηλασίαις χρώμενοι [*ibid.*]. В речи, подготовленной для произнесения перед судом императора Домициана, защищаясь от обвинения в человеческих жертвоприношениях, Аполлоний пишет, что лучше выселить чужестранцев (ξενηλατεῖν) из Рима, чем предъявлять им такое обвинение, в силу которого само пребывание в городе является доказательством преступления [*ibid.* VIII. 7]. В одном из любовных писем Флавий Филострат, обращаясь к женщинам, призывает их не «лаконствовать» и не подражать Ликургу, ибо любовь не признает ксенеласию [Philostr. *Epist.* I. 28]. Филострат, как и Плутарх, по достоинству оценил художественные возможности рассматриваемых нами слов, умело используя различные их оттенки.

Ритор III в. н. э. Апсин упоминает о Ликурге, который, «как считают, установил закон ксенеласии» [ὁ θεὸς τὸν τῆς ξενηλασίας νόμον κρίνεται – Apssines. *Ars rhetorica*. p. 356 (Spengel, v. I)]. Здесь мы вновь встречаемся с утверждением о существовании в Лакедемоне в древнейшие времена некоего установления по поводу изгнаний иностранцев – то ли закона, то ли обычая.

Ритор V в. Сопатр, объясняя различие между философами и ораторами, приводит следующий пример: если философы исследуют, что есть справедливое для всех людей, то ораторы, делая предметом аттические дела, будут доказывать справедливость того порядка, при котором ксены платят налог на метеков и одобряют то, что они населяют город; а когда ораторы рассматривают лаконские дела, то доказывают справедливость ксенеласии и одобряют полное отсутствие чужаков [Sopater *Rhet. Scholia ad Hermogen. status*. V. 27; та же идея повторяется чуть ниже – *ibid.* 30].

Согласно Гесихию (V в.) ксенеласия осуществлялась для того, «чтобы ксены не приобшались» [Hesych. s. v. ξενηλασία]; причастие ξενηλατοῦνται имеет следующее пояснение: «изгоняемые ксены получают удары» [*ibid.* s. v.]. Лексикограф не делает ссылок на Спарту.

В этом отношении Свиды (X в.) выражается более определенно и с явным осуждением. Согласно ему у лаконцев применялся закон о ксенеласии [παρ' οἷς καὶ ὁ τῆς ξενηλασίας ἔκειτο νόμος – Suda. s. v. διερωνόενοι]. Объясняя глагол ξενηλατεῖν, лексикограф повторяет Гесихия – у лакедемонян-де чужестранцы изгонялись с помощью ударов; и тут же, как бы в доказательство, приводится фраза из «Птиц» Аристофана, упомянутая нами выше [Suda. s. v. ξενηλατεῖν].

Подводя итог этому историко-терминологическому экскурсу, отметим, что слово «ксенеласия» поначалу воспринималось как сугубо лаконский (и, может быть, критский – у Аристотеля) термин, который использовался почти всегда во множественном числе. Если автор употреблял его в единственном числе, то он имел в виду некое конкретное ме-

роприятие (как, например, Феопомп). Уже этот лингвистический факт заставляет нас усомниться в том, что спартанская ксенеласия являлась чем-то вроде ксенофобии *вообще*, каким-то обычаем нелюдимости и негостеприимства. Лишь начиная с III в. до н. э., в частности, у Гекатея Абдерита, фиксируется явное расширение семантического поля этого термина (первые признаки такого расширения наблюдаются уже в «Законах» Платона). Теперь он может применяться не только в рассказах о спартанцах, но и при описании обычаев других народов, а в языке Плутарха даже приобретает странный смысл «удаления» и «избавления» от ненужной или опасной вещи. Впрочем, хотя у «отца церкви» Афенагора, например, употребляется глагол в пассивном залоге ἔξενηλατοῦμεθα «мы подвергались изгнанию» без какой бы то ни было связи со Спартой [см.: Athenagoras Apol. *Legatio pro christ.* 24. 1], все же лаконское происхождение рассматриваемых нами слов никогда не забывалось, и это помогало им оставаться колоритным средством художественной выразительности.

Конечно, наши источники о спартанских ксенеласиях не исчерпываются вышеприведенными местами. Дело в том, что иногда тот или иной автор, упоминая либо намекая на этот механизм, пользуется другой терминологией. Поэтому важно рассмотреть вопрос о том, какие конкретные случаи применения ксенеласии зафиксированы в античных источниках.

Плутарх в «Лаконских установлениях» передает анекдот о том, как поэт Архилох, прибыв в Спарту, в тот же день был изгнан, ибо в одном из своих стихотворений он утверждал, что лучше бросить щит и спасти себе жизнь, чем погибнуть в неравном бою [Plut. *Mor.* 239 b]. Если этот рассказ имеет в своей основе реальное происшествие, тогда следует признать, что ксенеласия практиковалась уже в VII в. до н. э.³

Первый достоверный прецедент описан у Геродота и повторен Плутархом. Речь идет о событиях ок. 520 г. до н. э. Когда самосский тиран Меандрий, спасаясь от гнева персов, прибыл в Спарту, он стал уговаривать царя Клеомена оказать ему военную помощь для возвращения на Самос. При этом Меандрий пытался откровенным образом подкупить царя. Клеомен пошел к эфорам и убедил их, что для блага Лакедемона – во избежании коррупции граждан – необходимо изгнать чужеземца. Эфоры приказали Меандрию удалиться за пределы Пелопоннеса [Hdt. III. 148; Plut. *Mor.* 224 a–b]⁴.

³ По поводу реальности эпизода с Архилохом высказываются сомнения; см., например: М.Н. Ботвинник. Изречения спартанцев. Примечания//Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 555. «Паросский мрамор» относит рождение поэта к четвертому году 24-й Олимпиады (681 г.). Это подтверждается и некоторыми другими данными. См.: История греческой литературы. М., 1946. Т. I. С. 213–218.

⁴ Эпизод с Меандрием должен быть датирован временем вскоре после восстания народов персидской державы (521–520 гг.), но когда Клеомен уже царствовал. В. Хау и Дж. Уэллс полагают, что он пришел к власти ок. 515 г. (W.W. How,

Следующий зафиксированный эпизод связан с удалением Аристагора, который в 499/498 г. до н. э. пытался убедить все того же Клеомена организовать военный поход на Сузы в поддержку восставшей Ионии. Узнав о том, что персидская столица находится на расстоянии трехмесячного пути от моря, царь приказал милетскому тирану покинуть Спарту до захода солнца (ὥ ξεῖνε Μιλήσιε, ἀπαλλάσσεο ἐκ Σπάρτης πρὸ δύντος ἡλίου – Hdt. V. 50; если мы действительно имеем здесь дело с ксенеласией в специальном смысле этого слова, то перед нами не что иное, как важнейший процедурный момент – формула приказа). Аристагор попытался соблазнить лаконца, называя все большие и большие денежные суммы, но и на этот раз царь оказался неподкупен, правда, не без помощи своей дочери Горго [Hdt. V. 51; Plut. *Mor.* 240 d]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что теперь процедура существенно отличается от эпизода с Меандром: а) приказ Аристагору отдает царь, тогда как в первом случае это делали эфоры; б) Аристагор должен покинуть Спарту, тогда как Меандр был удален за пределы Пелопоннеса⁵.

У Свида имеется до некоторой степени странное упоминание какого-то конкретного случая применения ксенеласии. При глаголе ξενηλατεῖν автор помещает фразу из «Птиц» Аристофана («здесь, как и в Лакедемонне, некоторые подвергаются ксенеласии и уже прогнаны были – обильные удары в городе») и уверяет, что лакедемоняне изгоняли чужаков, избивая их. Затем лексикограф добавляет: «Некогда здесь, когда случился пепел (σποδιὰς γενομένης), произошла ксенеласия» [Suda. s.v. ξενηλατεῖν]. Осознавая ненадежность любой попытки датировать событие, упомянутое в столь загадочной фразе, все же рискну предположить, что речь идет о действиях спартанских властей в период илотского восстания 464–462 гг. до н. э., начавшегося после ужасного землетрясения, повергшего Спарту в руины [Thuc. I. 101. 2; Diod. Sic. XI. 63; Plut. *Cim.* XVI; Polyae. I. 41. 3]. Диодор, описывая величайшее разрушение города, упоминает о том, что погибло свыше 20 тысяч лакедемонян. Плутарх также рассказывает о большом количестве погибших и о «Гробнице, Возвигнутой Землетрясением». В связи с этим, не является ли приведенная выше фраза Свида о «случившемся пепле» намеком именно на эти события? Ведь слово σποδιὰ, как отмечает словарь Лиддell-Скотта, очень часто используется в эпитафиях⁶. Кроме того, наше предположе-

J. Wells. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1998. Vol. II. P. 348); П. Поралла называет время незадолго перед 516 г. (P. Poralla, A. S. Bradford. A Prosopography of Lacedaemonians. Second edition. Chicago, 1985. P. 76), а П. Кэртлидж – ок. 517 г. (P. Cartledge. Agesilaos and the Crisis of Sparta. Baltimore, 1987. P. 243 f.). Дж. Коквелл в недавней работе о Клеомене отстаивает более раннюю дату прихода Клеомена к власти – ок. 520 г.: G.L. Cawkwell. Cleomenes/Mnemosyne. 1993. Vol. 46. № 4. P. 510. Я присоединяюсь к последнему мнению.

⁵ G.L. Cawkwell. Op. cit. P. 523. Note 35. Ниже см. также наше объяснение этому различию.

⁶ A Greek-English Lexicon. Compiled by H.G. Liddell and R. Scott. Rev. by H.S. Jones. New ed. Oxford, 1968. s. v. σποδιὰ.

ние подкрепляется последующим развитием событий. Спартанцы, оказавшись в состоянии войны с илотами и мессенцами, обратились за помощью к союзникам, в том числе в Афины, откуда прибыл отряд во главе с Кимоном. Спартанские власти, однако, неожиданно объявили, что не нуждаются в помощи афинского отряда и отослали его, подозревая в сочувствии к восставшим [Thuc. I. 102; Diod. Sic. XI. 63. 2; Plut. *Cim.* XVII]⁷. Хотя никто из древних авторов не называет решение лакедемонян ксенеласией, однако, в сущности, здесь мы наблюдаем в действии именно этот механизм спартанской политики.

В данной связи цитированная выше шутка из «Птиц» Аристофана наполняется более конкретным содержанием. Приведем ее полностью. Герой пьесы престарелый афинянин Писфетер, убедивший птиц основать новый город между небом и землей, наблюдает за строительством и прогоняет побоями разных проходимцев, прибывающих сюда в надежде чем-нибудь пожить. Среди последних Метон, предлагающий свои пророчества. Но и его Писфетер убеждает покинуть Тучекукуевск. «А что такого страшного?» – спрашивает предсказатель. «Здесь, как и в Лакедемоне, некоторые подвергаются ксенеласии и уже прогнаны были – обильные удары в городе (πληγαὶ συχναὶ κατ’ ἄστυ)» – отвечает Писфетер. И вот тут Метон высказывает предположение: «Да никак вы бунтуете?» [μὴν στασιάζετε; – Aristoph. *Av.* 1010–1013]. Грандиозное землетрясение, чуть не уничтожившее Спарту, восстание илов и позорное удаление спартанцами Кимона с его отрядом, приведшее к разрыву между двумя государствами – все эти события должны были еще хорошо помнить в Афинах даже и через пятьдесят лет («Птицы» писались в 415 г.)⁸. Об этом ясно свидетельствует одно место из комедии «Лисистрата», когда героиня, вспоминая те пагубные для лакедемонян события (землетрясение и илотское восстание), упрекает спартанцев за то, что теперь они забыли об афинской помощи [Aristoph. *Lys.* 1137–1146]. Поэтому вполне вероятно, что в рассмотренных выше строках из комедии «Птицы» заключен намек именно на ксенеласию Кимона.

Перикл в речи, произнесенной перед народным собранием в 431 г. до н. э., в ответ на ультимативное требование спартанцев об отмене мегарских псефизм выдвигает встречное условие: афинские рынки и гавани будут открыты для мегарян в том случае, «если и лакедемоняне не будут осуществлять ксенеласии (ἥν ... ξενηλασίας μὴ ποίωσι) ни в отноше-

⁷ Плутарх рассказывает о том, что спартанцы дважды призывали афинян на помощь, и отослали их назад лишь во второй раз. Об этом же свидетельствуют и слова Лисистраты у Аристофана [Aristoph. *Lys.* 1137–1146]. О землетрясении и последовавшем восстании см.: P. Cartledge. *Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 BC.* London, 1979. P. 216–221.

⁸ О лаконских реминисценциях у Аристофана см.: D. Harvey. *Lacomica: Aristophanes and the Spartans/The Shadow of Sparta.* Ed. by A. Powell and S. Hodkinson. London, 1994. P. 35–53; о ксенеласии: p. 44.

нии нас, ни в отношении наших союзников» (хотя в договоре⁹ не запрещена ни возможность закрытия гаваней для чужаков, ни ксенеласии) [Thuc. I. 144. 2]. В другой своей речи, произнесенной зимой 431/430 г. до н. э. во время торжественных похорон первых павших воинов, Перикл заявляет, что в отличие от своих врагов афиняне при подготовке к войне никому не препятствуют с помощью ксенеласий (οὐκ... ξενηλασίαις ἀλείρουσιν) ни учиться у них, ни осматривать то, что у них есть [Thuc. II. 39. 1]. Создается впечатление, что оратор имеет в виду какой-то конкретный случай изгнания либо запрещения на въезд, предпринятого спартанскими властями в отношении афинян и их союзников в накаленной предвоенной атмосфере¹⁰. При этом никакого тотального выселения или полного закрытия границ, конечно, не произошло, ибо Фукидид рассказывает, что вплоть до начала военных действий афиняне и лакедемоняне хотя и относились друг к другу с подозрением, но взаимных контактов не прерывали и посещали друг друга без глашатаев (как требовалось бы в условиях войны и полного разрыва отношений) [Thuc. I. 146].

Намек на этот конкретный случай предвоенной ксенеласии обнаруживается, возможно, в «Мире» Аристофана, в том месте, где Гермес объясняет афинянам причины начала этой губительной войны: некоторые из союзников, не желая платить подать, подкупили лаконских вождей, и те «бесстыдным образом выгнали ее» (имеется в виду богиня мира) [τῇνδ' ἀπορρίψαντες αἰσχυρῶς – Aristoph. Pax. 619–625].

В литературе высказывалось предположение, что Платон в диалоге «Протагор», излагае устами Сократа образ мифологизированной им Спарты, в рассказе о том, как спартанцы общаются со своими мудрецами, изгнав всех чужаков [Plato *Prot.* 342 b–d], имеет в виду некое конкретное мероприятие, осуществленное лакедемонскими властями в годы Пелопоннесской войны против наводнивших Спарту софистов¹¹. Трудно, однако, поверить, что всех их изгнали скопом, ибо Гиппий из Элиды, проводивший в Спарте большое количество времени, не жаловался на подобное с ним обращение [Plato *Hipp. maj.* 283 b]. Скорее всего, данные ксенеласии носили индивидуальную направленность, как в случае с неким Кефисонтом, о котором рассказывает Плутарх: этот оратор был выслан спартанцами из страны, поскольку он утверждал, что способен целый день говорить на любую тему [Plut. *Mor.* 239 c].

⁹ Имеется в виду договор о тридцатилетнем мире 446/445 г. между Спартой и Афинами.

¹⁰ Именно так трактуются слова Перикла у Х. Шефера и Д. МакДауэлла: H. Schaefer. Op. cit. Col. 1437; D.M. MacDowell. *Spartan Law*. Edinburgh, 1986. P. 115. Впрочем, Д. Льюис в своей рецензии на последнюю книгу сомневается, что указанные места у Фукидида возможно связать с каким-то конкретным случаем. Он полагает, что речь здесь, как и у других авторов, идет только о порядке проведения ксенеласий, не более того: D.M. Lewis. Rec. ad op.: D.M. MacDowell. *Spartan Law*//Classical Review. 1987. Vol. 37. № 2. P. 232.

¹¹ См. предыдущее примечание. В данном случае я солидарен с мнением Д. Льюиса.

Феопомп в 33-й книге своей «Истории Филиппа» упоминал о ксенеласии, предпринятой однажды в Спарте в связи со случившейся там нехваткой хлеба [FGrH 115 F 178]. Поскольку известно, что 33-я книга была посвящена событиям после Филократова мира (346 г. до н. э.), возникает предположение, что эпизод относится именно к этой эпохе. Впрочем, на основе столь краткого пассажа мнение это не может претендовать на бесспорность, ибо Феопомп порой уклоняется от основной линии повествования, допуская более или менее обширные экскурсы в область прошлого¹².

Этим перечнем исчерпываются известные мне упоминания античными авторами тех конкретных эпизодов из спартанской истории, когда власти применяли ксенеласии. Рассмотрим теперь вопрос о том, кто становился объектом подобных действий и какие выставлялись к тому поводы.

В литературе можно встретиться с мнением, что ксенеласии были направлены против иностранцев вообще, что целью своей они имели сведение к минимуму всяких возможных контактов лакедемонян с чужаками¹³. Кажется, в древних источниках можно обнаружить подтверждение этому мнению: Сократ в «Протагоре» уверяет, что когда спартанцы желают без помех общаться со своими мудрецами, они подвергают ксенеласии и тех чужаков, которые «лаконствуют», и всех остальных [Plato *Prot.* 342 b-d]; в коротком фрагменте из сочинения историка I в. до н. э. Николая Дамасского утверждается, что «ксенам не позволено проживать в Спарте» [Ξένοις ἐμβιοῦν οὐκ ἔξεστιν ἐν Σπάρτῃ – Nic. Dam. FGrH 90 F 103z 5= Stob. XLIV. 41]; у Иосифа Флавия находим следующую фразу: «Лакедемоняне ... никому не давали ни гражданства, ни возможности обучаться у себя» [Joseph. *Contra Ap.* II. 36. 4]; у Флавия Филострата в споре Аполлония с Феспионом последний заявляет, что лакедемоняне поголовно подвергают чужеземцев изгнанию [Ξενηλασίᾳ χρώμενοι ἐς πάντας – Philostr. *Vita Apoll.* VI. 20]; писатель V в. н. э. Сопатр, приводя пример риторического рассуждения, говорит, что «в Лакедемоне нет вообще чужака» [πάντῃ μὴ εἶναι ξένον ἐν Λακεδαίμονι –

¹² Х. Шефер уверен, что фрагмент Феопомпа свидетельствует о том, что в условиях все возрастающих неудач после поражения при Левктрах Спарта принимала шаги подобного рода: Н. Schaefer. *Op. cit.* О Феопомпе как писателе см. новейшее исследование: М.А. Flower. *Theopompus of Chios. History and Rhetoric in the Third Century BC.* Oxford, 1997 (о «Истории Филиппа»: р. 29–36); на русском языке: История Греческой литературы. Т. II. С. 140–143.

¹³ А. Бергер. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936. С. 37; С.Я. Лурье. История Греции. СПб., 1993. С. 232; К.М. Колобова, Л.М. Глускина. Очерки истории древней Греции. М., 1958. С. 99; Н.Ю. Старкова. Классическая Спарта: модель полиса и образ жизни//Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 18; Н. Schaefer. *Op. cit.* Col. 1438; A. Biscardi. *Diritto greco antico.* Giuffrè editore, 1982. P. 87; M. Crawford, D. Whitehead. *Archaic and Classical Greece. A Selection of Ancient Sources in Translation.* Cambridge, 1983. P. 117; P. Cartledge. *Agasilaos.* P. 50, 243 f.; I.F. Stone *The Trial of Socrates.* N.Y., 1989. P. 127 f.

Sopater Rhet. *Scholia ad Hermogen. status*. V. 27]; Свида заявляет, что «нельзя никакому чужеземцу приходить в Спарту когда ему угодно, но только в назначенные дни» [οὐκ ἐξὸν ξένῳ τινὶ αἰεὶ τῆς Σπάρτης ἐπιβαίνειν – Suda. s.v. διερωνώξενοι].

Заметим, однако, что приведенные места, во-первых, носят общий характер, они не ссылаются на конкретные эпизоды спартанской истории и, во-вторых, большинство из них несут в себе откровенно полемический запал. К тому же это в основном поздние свидетельства. Что касается заявления Сократа, то оно представляет собой элемент известной платоновской мифологемы об идеальном государственном устройстве Спарты, а потому его слова не могут быть источником надежной исторической информации. Если мы обратимся к более конкретным свидетельствам, то обнаружим несколько иную картину.

Эпизоды с Меандрием и Аристагором, описанные Геродотом, случившиеся с Архилохом и Кефисофонтом, приведенные Плутархом, говорят о том, что объектом ксенеласии были вполне конкретные личности, а поводом для таких жестких акций становилась либо осуществленная ими попытка подкупа властей, либо творчество и образ жизни данного объекта, с точки зрения официальной доктрины зловерные и способные – как и примитивный подкуп – испортить граждан.

Ксенеласия Кимона носит коллективный характер, но и она имеет вполне определенный объект – вооруженный афинский отряд, в отношении которого появились подозрения в сочувствии к мятежникам, захватившим на Ифоме. Остальные союзники, как известно, остались в спартанском лагере.

Спартанская ксенеласия перед Пелопоннесской войной, о которой упоминает Перикл в двух речах, также не носила характер тотального изгнания, ибо Фукидид в конце первой книги делает следующее прелюбопытное замечание: «Во время тех событий они, однако, общались и взаимно посещали друг друга без глашатаев, хотя и не без подозрительности» [ἐλεγεῖνυντο δὲ ὁμῶς ἐν αὐταῖς καὶ παρ' ἀλλήλους ἐφοίτων ἀκρήκτως μὲν, ἀνυπόπτως δὲ οὖ – Thuc. I. 146]. Из «Надгробной речи» Перикла можно вывести заключение, что это мероприятие спартанских властей являлось превентивной мерой в условиях надвигающейся военной конфронтации и было направлено против лиц, в отношении которых существовало подозрение в шпионаже [Thuc. II. 39. 1; ср.: V. 68.2 и 74. 3].

Изгнание иноземцев, о котором упоминает Феопомп и которое, вероятно, произошло во второй пол. IV в. до н. э., было как-то связано с угрозой голода: «Ведь там некогда, в связи с наступившей нехваткой хлеба, была совершена ксенеласия» [FGrH 115 F 178]. Существуют два возможных варианта объяснения фрагмента: 1) данная энергичная мера была предпринята для спасения своих сограждан путем сокращения числа едоков¹⁴; 2) ксенеласия была осуществлена против иностранных торговцев, которые, как обычно в подобных обстоятельствах, пытались

¹⁴ A. Krebs. Op. cit. P. 1007; К.М. Колобова, Л.М. Глускина. Ук. соч. С. 99.

извлечь большую прибыль [ср.: Хен. Оес. XX. 27 sq.]¹⁵. В любом случае, мероприятие носит ограниченный во времени характер, а если признать правильным второй вариант комментария, то она имеет своим объектом только лиц определенной профессии.

Стоик Хрисипп (III в. до н. э.) заявляет, что лакедемоняне изгоняют из Спарты (Λακεδαιμόνιοι τε ἐξελάνουσι τῆς Σπάρτης) изготовителей благовоний как зря переводящих оливковое масло, а красящих шерсть как марающих белизну шерсти [Chrysipp. fr. 12 *apud* Ath. XV 686 f – 687 a] – речь идет о законах против роскоши, имеющих в виду лиц определенных профессий.

Секст Эмпирик со ссылкой на перипатетика Критолая и академиков Клитوماха и Хармида (II–I вв. до н. э.) заявляет, что Ликург Спартанский, подражая критскому законодателю, запретил появляться в государстве тем лицам, которые хвастались своими речами. Здесь автор пытается доказать, что риторика не является наукой, ибо государства наук не изгоняют, а делают это только по отношению к риторике [Sextus Empir. *Adversus math.* II. 20–21].

1202834
Плутарх, который рассказывает об изгнаниях иноземцев чаще других античных авторов и который больше кого бы то ни было потрудились над созданием «спартанского миража», также не дает оснований заподозрить спартанцев в практике тотальных ксенеласий. Его упоминания эпизодов с Архилохом, Меандрием, Аристагором и Кефисофонтом нами уже рассмотрены – все они носят индивидуальный характер. Следует также заметить, что Плутарх часто говорит об изгнании лишних *видов образования, вещей и ремесел*, а люди, этим занимающиеся, вынуждены были последовать за ними [Plut. *Mor.* 226 d; 237 a; *Лyc.* IX]. Впрочем, в других местах речь идет о том, что Ликург изгонял из страны тех, кто прибывал сюда без определенной цели [idem *Лyc.* XXVII]; запретил въезд в Спарту ремесленникам, производящим украшения¹⁶ [idem *Mor.* 228 b]; ввел ксенеласию, дабы чужеземцы не научили граждан чему-либо дурному [idem *Mor.* 228 d–e]. Однако, тот же Плутарх уверяет, что занятия ремеслами Ликург поручил рабам и *метекам* [Plut. *Comp. Лyc. Num.* II. 6]. Наиболее отчетливо Плутархов взгляд на проблему объекта ксенеласии обнаруживается в полемике между Леонидом II и Агисом IV, о которой мы читаем в биографии последнего. Леонид, пытаясь противостоять реформам Агиса (в частности, его проекту расширения гражданского коллектива за счет натурализации иностранцев), напоминает, что Ликург считал для государства необходимым изгонять чужаков. На это Агис ему отвечает, что законодатель был недоволен не чужаками вообще, а людьми чуждых нравов и привычек, и изгонял он именно их, бо-

¹⁵ M. Nafissi. Op. cit. P. 268.

¹⁶ Заметим попутно, что Ксенофонт сообщает лишь о том, что лакедемоняне не украшают себя роскошной одеждой [Хен. *Lac.* VII. 3]. См.: М.Н. Ботвинник *Изречения спартанцев (примечания)*//Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 546. О спартанской одежде см.: E. David. *Dress in Spartan Society*//*The Ancient World.* 1989. Vol. XIX. № 1–2. P. 3–13.

ясь, как бы они не развратили спартанцев порочным образом жизни [idem *Agis*. X].

Элий Аристид сомневается в том, что ксенеласия была особенно значительной даже и в Лакедемонe [καὶ ξενελασίαν τοσαύτην τῶν Ἑλλήνων πομπρόμεθα, ὅσην οὐδ' ἐν Λακεδαίμονί τῳ συμβᾶσαν ἀκούομεν; – Aelius Arist. *Or.* XLVI. 292. 17–20].

Итак, всякий раз, когда древний автор рассказывает о спартанских ксенеласиях чуть подробнее, или когда он упоминает конкретный эпизод подобного рода, становится ясно, что изгнанию подвергались, как правило, не все вообще иноземцы, а либо конкретное лицо, либо люди определенной категории (афинский вооруженный отряд; лица, заподозренные в сборе информации в преддверии Пелопоннесской войны; представители некоторых профессий, признанных здесь «бесполезными»; в условиях нехватки продуктов, возможно, иноземные торговцы; лица без определенных занятий, всякого рода шарлатаны). Их присутствие в государстве по какой-то причине признается властями или вообще нежелательным, или опасным при известных обстоятельствах (своего рода *personae non gratae*).

Очень важным является вопрос о том, каков был порядок применения ксенеласии. К сожалению, источники дают крайне мало сведений по поводу ее процедуры. И все же некоторую информацию из них извлечь можно.

Как уже отмечалось, ряд поздних авторов говорит о некоем «законе ксенеласии» (ὁ τῆς ξενελασίας νόμος), именно: Элиан, ритор Апсин и лексикограф Свида (II, IV и X век н. э. соответственно) [Aelian. *VH.* XIII. 16; Apsines *Rhet. Ars rhetorica*. p. 356 (Spengel, v. I); Suda s. v. διεργωνόξενοι]. Слово «номос» в данном случае следует понимать как «обычай», «обыкновение», «обычная практика». Из того немногого, что нам известно о конкретном применении ксенеласий, становится ясно, что практика эта имела форму административных приказов, издававшихся носителями исполнительной власти. В эпизоде с Меандрием, как мы видели, Клеомен ставит вопрос об изгнании самосского тирана перед эфорами, которые, согласившись с царем, принимают решение о выдворении иноземца за пределы Пелопоннеса. В эпизоде с Аристагором сам царь Клеомен без чьего-либо совета приказывает гостю из Милета покинуть Спарту до захода солнца. Текст Геродота вполне допускает мысль, что эти слова царя обладали непосредственной исполнительной силой, являясь прямым административным приказом, ибо для того, чтобы продолжить беседу, Аристагору пришлось взять в руки оливковую ветвь – ἱκετήρια – символ смирения и просьбы о пощаде, который держат в руках умоляющие о защите. Сам акт несет в себе ритуальное значение и пренебрегать им опасно из религиозных соображений [Her. V. 51; подобные примеры многочисленны, см., например: idem VII. 141; Hom. *Il.* I. 15; Soph. *Oed. Tyr.* 3; idem *Oed. Col.* 923]. Во всяком случае, не добившись успеха у царя, Аристагор вынужден покинуть Спарту. О вмешательстве в дело эфоров на этот раз мы ничего не слышим.

То обстоятельство, что в этих двух эпизодах приказы издаются разными органами власти и имеют в виду разные территории, не должно поставить нас в тупик. И цари, и эфоры обладали исполнительными полномочиями, и, поскольку применение ксенеласии в каждом конкретном случае не опиралось на решение народного собрания, они в равной степени имели право издавать подобные приказы¹⁷. Эфоры, однако, будучи избираемыми на апелле из числа всех спартиатов, представляют собой исполнительную власть самого народа, поэтому их решение обладает более высоким статусом. Вот почему в эпизоде с Меандрием, когда отсутствовал более или менее «свежий» прецедент, царь, только что занявший престол, предпочел перенести груз ответственности на эфоров, а позднее – в случае с Аристагором, – когда необходимый прецедент был на памяти, а сам Клеомен уже давно являлся самостоятельным и наиболее активным «игроком» на внешнеполитической арене, он осуществлял ксенеласию простым своим приказом¹⁸.

Вопрос о том, почему эфоры приказали Меандрию удалиться из Пелопоннеса, а Клеомен Аристагору – покинуть Спарту, вряд ли может получить однозначный и исчерпывающий ответ. Возможно, здесь нет никакой проблемы, потому что нет специального словоупотребления. Приказывая Меандрию удалиться из Пелопоннеса, эфоры, вероятно, просто имели в виду, что чужеземцу придется вернуться туда, откуда он прибыл. Так же и мы, возвращаясь из Севастополя, говорим, что уезжаем из *Крыма*, а собираясь в Краснодар, заявляем, что отправляемся на *Кубань*¹⁹.

Вряд ли можно согласиться с мнением, будто бы в Спарте действовал на постоянной основе запрет на въезд для иностранцев, или применялось правило, в силу которого посетители принуждались покидать Лаккедемон сразу же, как только они сделают все свои дела²⁰. Многие современные исследователи убеждены, что данная практика являлась регулярной, ксенеласии осуществлялись периодически и даже систематически²¹. Однако, в свете изложенного выше материала гораздо более ар-

¹⁷ Х. Шефер предполагает, что конкретные решения о применении ксенеласий могли опираться на инициативу со стороны герусии и согласие народного собрания – см.: H. Schaefer. Op. cit. Col. 1437. Мнение это, однако, никак не подкреплено ссылками на источники.

¹⁸ О внешней политике Спарты в годы правления Клеомена см.: W.W. How, J. Wells. Op. cit. Vol. II. P. 347–353; M. Clauss. Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 27–33; G.L. Cawkwell. Op. cit. P. 506–527; S. Link. Op. cit. S. 57–59; R. Osborne. Greece in the making, 1200–479 BC. London & N.Y., 1996. P. 334–336; L. Thommen. Op. cit. S. 87–90.

¹⁹ См. также прим. 5.

²⁰ Так думает, например, Ч.Д. Гамильтон: Ch.D. Hamilton. The Ideology of Spartan Conservatism/The Ancient World. 1996. Vol. 27. 2. P. 151.

²¹ Ю.В. Андреев. Архаическая Спарта. С. 82; R. Flacelière. La vie quotidienne en Grèce au siècle de Périclès. Paris, 1959. Ch. 2 (мне данная книга знакома в чешском переводе: Život v době Periklově. Praha, 1981. S. 40); H. Schaefer Op. cit. Col. 1438; P. Cartledge. Agesilaos. P. 121.

гументированной представляется точка зрения, согласно которой выдворения иноземцев проводились в зависимости от усмотрения властей в каких-то исключительных случаях²².

Впрочем, два кратких, но важных свидетельства требуют своего объяснения. Во-первых, Николай Дамасский: «ксенам не позволено проживать в Спарте» [ξένοις ἐμβιοῦν οὐκ ἔξεστιν ἐν Σπάρτῃ – Nic. Dam. FGtH 90 F 103z 5 = Stob. XLIV. 41]. Во-вторых, Свидя: «нельзя никому чужеземцу приходить в Спарту когда ему угодно, но только в назначенные дни» [οὐκ ἔξδὸν ξένῳ τινὶ ἀεὶ τῆς Σπάρτης ἐπιβαίνειν, ἀλλ' ὥρισμένας ἡμέρας – Suda. s.v. διεῖρωνόξενοι].

Кажущееся противоречие между этими двумя свидетельствами и доводами, приведенными выше, снимается, если сделать следующее предположение о механизме ксенеласии. Гражданский коллектив Лакедемона был разделен на две категории: спартиаты и перизки; в соответствии с этим территория полиса делилась на две зоны: сам город Спарта и перизкская территория²³. Для чужеземцев возможность приобрести полный спартиатский статус была в высшей степени затруднена²⁴. При этом не исключено, что город Спарта действительно был закрыт для того, чтобы здесь поселялись ксены на постоянное жительство в качестве метеков. Это, однако, совсем не означает, что чужеземцам был запрещен вход сюда, хотя какие-то ограничения организационного и иного характера, возможно, существовали²⁵. Беспристрастное прочтение источников показывает, что спартанцы никогда не были нелюдыми бирюками, избегавшими, подобно циклопам, всякого цивилизованного общения с иноземцами. Что же касается перизкской зоны и – прежде всего – городов на побережье Лаконского залива, предположение о том, что чужеземцам было запрещено приезжать сюда и селиться здесь кажется совершенно невероятным. Даже Плутарх, столь настойчиво проводивший мысль об изоляционизме восхваляемой им «Ликурговой» Спарты, заявляет, что законодатель оставил ремесла на попечение рабов и метеков [Plut. *Comp. Lys. Num.* II. 6]. При всем том власти в лице царей или эфоров могли принять решение о выдворении за пределы Лакедемона (т. е. государственной территории) некоторых иностранцев. Из

²² С. Жебелёв. Объясн. примечания (*ad* Thuc. I. 144. 2)//Фукидид. История. Пер. Ф. Мищенко. СПб., 1994. Т. I. С. 358; A. Krebs. *Op. cit.* P. 1007; D. MacDowell. *Op. cit.* P. 115; M. Nafissi. *Op. cit.* P. 267–268; S. Rebenich. Xenophon. Die Verfassung der Spartaner. Hrsg., übers. und erl. Darmstadt, 1998. S. 138.

²³ См. по этому поводу предыдущие работы: А.В. Зайков. Перизки в структуре спартанского полиса//АДСВ: Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. С. 19–29; его же. Перизкские полисы в древней Спарте//Античный и средневековый город. Тезисы докладов VII Сюзумовских чтений. Екатеринбург, Севастополь, 1994. С. 63–66.

²⁴ И.Г. Мюллер трактует ксенеласию именно как недозволение иностранцам принимать гражданство – πολιτογραφείν: J.G. Müller. Des Flavius Josephus Schrift gegen den Apion. Text und Erklärung. Hildesheim – N.Y., 1969. S. 348.

²⁵ Например, мог существовать запрет на въезд для лиц с определенной репутацией или для представителей известных профессий.

того, что нам известно о конкретных эпизодах, следует, что для принятия подобного решения всегда требовался достаточно веский довод. Из приведенного в начале статьи терминологического экскурса ясно, что поначалу термин «ксенеласия» обозначал только такой конкретный приказ в отношении конкретных лиц, изданный по конкретному поводу. Лишь с III в. до н. э. (Гекатей Абдерит) наблюдается значительное расширение семантического поля термина – под «ксенеласией» теперь понимают и запрет иностранцам поселяться в городе, а иногда и ксенофобию вообще.

Перейдем теперь к вопросу о хронологии. В старой литературе можно встретиться с мнением о том, что ксенеласия входит в число специфических дорийских институтов, а направлена она была на сохранение традиционного дорийского духа и обычаев²⁶. В связи с этим высказывалось предположение, что ее появление относится к древнейшим временам. Подтверждение находили, например, в словах Геродота о том, что до Ликурга лакедемоняне управлялись чуть ли не самыми наилучшими законами из всех эллинов и не общались ни друг с другом, ни с иноземцами [κατὰ τὰ σφέας αὐτῶν καὶ ξείνοισι ἀπρόσμεκτοί – Hdt. I. 65]²⁷. Традиция, впрочем, неизменно приписывает создание этого института Ликургу [Plut. *Mor.* 228 b; 238 e; *Lyc.* XXVII; *Agis.* X; *Philostr. Vita Apoll.* VI. 20; *Apsin. Ars rhetorica.* (Spengel, v. I) p. 356; *Suda.* s. v. Λυκοῦργος].

В настоящее время господствующим является мнение о том, что введение ксенеласии стало одним из важнейших элементов «переворота VI века», когда по окончании Мессенских войн во внутренней жизни Спарты произошли коренные преобразования, создавшие так называемый Ликургов строй²⁸. Некоторые исследователи полагают, что ксенеласии являются реакцией на изменившиеся политические пропорции после Персидских войн²⁹. В любом случае, Спарта прославилась своей

²⁶ A. Krebs. *Op. cit.* P. 1006; Benselers *Griechisch-Deutsches Wörterbuch.* Bearb. von A. Kaegi. 19. Aufl. Leipzig, 1990. S. 542, s. v.; см. также: H. van Effenterre. *Il Problema delle istituzioni doriche//Le origini dei Greci. Dori e mondo egeo.* A cura di D. Vusti. Bari, 1990. P. 298 sg.

²⁷ A. Krebs. *Op. cit.* P. 1006. С моей точки зрения, в этих словах Геродота невозможно отыскать даже намек на ксенеласию.

²⁸ С.Я. Лурье. *Ук. соч.* С. 232; А.-И. Марру. *История воспитания в античности (Греция).* М., 1998. С. 40; H. Schaefer *Op. cit.* Col. 1437; M. Nafissi. *Op. cit.* P. 269; S. Rebenich. *Xenophon.* S. 138. Литература по концепции «переворота VI века» настолько обширна, что приводить ее здесь нет никакого смысла. На русском языке лучшими остаются работы Ю.В. Андреева, в которых читатель найдет прекрасный историографический обзор и достаточно полную библиографию: 1) Спарта как тип полиса//*Античная Греция.* Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 194–216; 2) *Архаическая Спарта: культура и политика//ВДИ.* 1987. № 4. С. 70–85.

²⁹ B.L. Thommen. *Op. cit.* S. 135–146; E. Herman-Otto. *Verfassung und Gesellschaft Spartas in der Kritik des Aristoteles//Historia.* 1998. Bd 47. Hft 1. S. 33. Anm. 41.

ксенофобией именно благодаря мероприятиям, осуществленным во второй половине V в. до н. э.³⁰ Ксенофонт в 14-й главе «Лакедемонской политики» говорит о том, что, как ему известно, в прежние времена осуществлялись ксенеласии (ἐπίσταται δὲ καὶ πρὸσθεν ... ξενηλασίᾳς γιγνόμενᾳς) и выезжать за рубеж не позволялось ради того, чтобы граждане не преисполнились от чужаков беспечностью [Xen. Lac. 14. 4]. Основываясь на этой реплике, многие современные историки убеждены в том, что ко времени Ксенофонта – во всяком случае, ко времени написания им 14-й главы³¹ – ксенеласии как особый механизм спартанской политики уже отошли в прошлое или, по крайней мере, не действовали со всей строгостью. Причиной этого была, как полагают, деформация многих традиционных социальных, экономических и культурных структур, происшедшая в период и после Пелопоннесской войны³². Получается, таким образом, что тот период времени, когда ксенеласии реально практиковались, падает на промежуток чуть более ста лет – с 20-х годов VI в. до последней четверти V в. до н. э.

Такая датировка, однако, сталкивается с некоторыми трудностями. Во-первых, это рассказ Плутарха об эпизоде с Архилохом. Конечно, можно легко признать абсолютно анекдотический характер этого сообщения, но если здесь имеется какое-то зерно исторической правды, тогда время жизни поэта (ок. 680 г. – ок. 640 г.) дает нам *terminus ante quem* для начала этой практики. Во-вторых, фрагмент Феопомпа из 33-й книги «Истории Филиппа», в котором историк упоминает какую-то ксенеласию, возникшую в связи с нехваткой хлеба. 33-я книга была посвящена событиям после Филократова мира, поэтому данное мероприятие могло иметь место после 346 г. до н. э. Аргумент, впрочем, слабый, ибо Феопомп часто допускает отступления в область прошлого по сравнению с основной линией повествования (реже – в область будущего)³³.

Однако, если понимать под «ксенеласией» всего лишь административный инструмент в руках исполнительной власти, а не целенаправленную и планомерно осуществляемую политику, то отпадает сама проблема датировки – такое средство могло применяться при определенных

³⁰ P. Cartledge. Agesilaos. P. 243 f.; D.M. MacDowell. Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 115; M. Nafissi. Op. cit. P. 267–269; S. Rebenich. Xenophon. S. 138.

³¹ Эта глава была, по всей видимости, прибавлена автором к основному тексту много позднее, возможно после 378 г. О датировке и аутентичности 14-й главы и всего трактата см. следующие основные работы: F. Ollier. Xénophon. La République des Lacédémoniens. Lyon, 1934 (Introduction); K.M.T. Chrimes. The *Respublica Lacedaemoniorum* Ascribed to Xenophon. Manchester, 1948; E. Luppino-Manes. Un progetto di riforma per Sparta. La «Politeia» di Senofonte. Milano, 1988. P. 20–32; S. Rebenich. Xenophon. S. 14–35.

³² M.I. Finley. Economy and Society in Ancient Greece. London, 1981. P. 40; D.M. MacDowell. Op. cit. P. 115. P. Cartledge. Agesilaos. P. 406; S. Link. Der Kosmos Sparta. Darmstadt, 1994. S. 52; M. Nafissi. Op. cit. P. 267–269.

³³ О сомнениях по поводу эпизода с Архилохом см. прим. 3, о Феопомпе см: M.A. Flower. Op. cit. P. 153–160.

обстоятельствах когда угодно, пока существовало самостоятельное спартанское государство.

Теперь необходимо кратко остановиться на вопросе об отношении к этому лаконскому институту у других греков.

Часто можно услышать, что спартанцы за свои ксенеласии осуждались повсюду в Греции, и особенно в Афинах, гордящихся своим гостеприимством³⁴. При этом прежде всего делают ссылку на две речи Перикла. Однако текст Фукидида, на мой взгляд, не дает никаких оснований для такого вывода. В первом случае Перикл противопоставляет ультимативному требованию спартанцев отменить мегарские псефизмы свое встречное требование – прекратить ксенеласии афинян и их союзников [Thuc. I. 144. 2]. В самом деле, не тождественны ли ксенеласиям по сути своей постановления экклесии о запрете мегарянам пользоваться афинскими рынками и гаванями? И, в связи с этим, имели ли афиняне хоть какое-то моральное право осуждать спартанцев за их ксенеласии? В другой своей речи Перикл ободряет сограждан, пытаясь убедить их в превосходстве над спартанцами – лаконцы-де, готовясь к войне, все делают скрытно и изгоняют чужаков, дыбы они не узнали их секретов, а афиняне ничего подобного не совершают, полагаясь лишь на свою доблесть в открытых столкновениях [idem. II. 39. 1]. Таким образом, мы видим здесь весьма тенденциозную попытку умалить сильные стороны военной политики противника. Это, однако, еще не доказывает, что Спарта повсеместно в Греции порицалась за свой способ подготовки и ведения военных действий. То, что нам известно о репутации лакедемонян в данной сфере, свидетельствует о прямо противоположном.

Шутка Писфетера в адрес Метона в «Птицах» должна быть истолкована в следующем смысле: «Берегись, мы не хуже лакедемонян можем проучить бездельников и проходимцев» [Aristoph. Av. 1013]. И здесь нет никакого осуждения ксенеласий, а скорее образец, достойный для подражания в уважающем себя государстве.

Ксенофонт с горечью сожаления говорит о том, что спартанцы в его время уже не применяют ксенеласий, которые когда-то охраняли Спарту от порчи нравов [Xen. Lac. 14. 4].

В платоновском «Протагоре» с явным одобрением рассказывается о ксенеласиях, которые позволяют лакедемонянам приобщаться к истинной мудрости [Plato Prot. 342 b-d]. Весь этот рассказ, впрочем, относится к «спартанскому мифу», сконструированному философом. Именно у Платона мы впервые встречаемся с явно выраженным негативным отношением к ксенеласиям, но контекст теперь совсем иной: речь идет о совершенном неприятии чужеземцев и полном отказе посещать другие страны [idem Legg. 950 b]. Примечательно, что Платон приписывает такую практику «питомцам Нила», а вовсе не лакедемонянам [ibid. 953 c].

³⁴ A. Krebs. Op. cit. P. 1006; M. Nafissi. Op. cit. P. 267; S.C. Todd. The Shape of Athenian Law. Oxford, 1993. P. 171.

Высказывалось предположение, что этот пассаж является мягкой ино-сказательной критикой реальных спартанских установлений³⁵.

Вполне благожелательный характер носит упоминание критских ксенеласий у Аристотеля [Aristot. *Pol.* 1272b 17]. Более того, Стагирит считает, что несогласно с хорошим управлением, когда в город прибывает и проживает в нем большая масса торговцев из-за границы [*ibid.* 1327 a 11–18].

Явно негативное значение интересующий нас термин имеет у Гекатея Абдерита, Полибия и Страбона [FGrH 264 F 6; Polib. IX. 29. 4; Strabo XVII. 1. 19], но у них и речи нет о Спарте. Следы осуждения лакедемонян за их практику ксенеласий мы находим лишь у Дионисия Галикарнасского и у некоторых позднейших авторов [Dionys. Hal. *AR.* II. 17. 1; Aelius Arist. *Or.* XLVI. 292. 17–20; Philostr. *Vita Apoll.* VI. 20; и особенно у Свида: Suda. s.v. διεργωνόεσσαι]. Остальные известные нам упоминания ксенеласии либо нейтральны, либо слишком фрагментарны, чтобы говорить об осуждении или одобрении этой практики автором пассажа.

Подведем некоторые итоги. Данные исторической семантики показывают, что первоначально термин «ксенеласия» обладал вполне узким, специфическим значением – приказ спартанских властей по поводу изгнания с государственной территории определенных лиц иностранного происхождения. Лишь позднее (впервые в «Законах» Платона, а вполне определенно у Гекатея Абдерита) это слово приобретает более широкий смысл, отрываясь от спартанской почвы и обозначая теперь собственно изгнания, запрет на получение гражданства, препятствия к постоянному поселению в качестве метеков на государственной территории и ксенофобию вообще. Что касается собственно спартанской ксенеласии, то она являлась средством административного характера, применявшегося представителями исполнительной власти (царями или эфорами) против вполне определенных лиц всякий раз по конкретному поводу. Нет никаких серьезных оснований думать, что ксенеласии проводились систематически и что они носили сколько-нибудь массовый характер. С другой стороны, концептуальной натяжкой является попытка ограничить данную практику периодом с конца VI до конца V в. до н. э. – в такой попытке просматривается явное стремление привязать ксенеласии к так называемому «перевороту VI в.» и сконструировать на этой основе политику тотальной спартанской ксенофобии. Конечно, трудно оспаривать тот факт, что ксенеласии служили средством контроля над частными контактами граждан и иностранцев и помогали проводить официальную политику изоляционизма, однако, с моей точки зрения, изоляционизм этот не следует преувеличивать, а сами ксенеласии необходимо рассматривать скорее как спартанский вариант дипломатического института *persona non grata*.

³⁵ A. Powell. *Plato and Sparta/The Shadow of Sparta*. Ed. by A. Powell and S. Hodkinson. London – N.Y., 1994. P. 298.

Die spartanischen Xenelasien

Im vorliegenden Artikel wird der Versuch einer systematischen Betrachtung der Informationen unternommen, die sich aus einer Analyse der sporadischen Zeugnisse antiker Autoren über die spartanischen Fremdenvertreibungen ergeben. Ursprünglich hatte der Terminus ξενηλασία die durchaus enge Bedeutung: Erlaß der spartanischen Behörden über die Vertreibung gewisser Personen ausländischer Herkunft aus dem Staatsgebiet. Später, zuerst in Platons «Gesetzen», dann vollkommen eindeutig bei Hekataios von Abdera, erhält das Wort eine erweiterte Bedeutung, indem es sich von seiner spartanischen Grundlage löst und nunmehr 'Vertreibung', 'Verhinderung einer ständigen Niederlassung als Metöke' und allgemein 'Fremdenfeindlichkeit' bedeutet (bei Plutarch sogar 'Befreiung von einer unnötigen und gefährlichen Sache'). Was die speziell spartanische Fremdenvertreibung betrifft, so handelt es sich bei ihr um ein Verfahren administrativen Charakters, das von den Königen oder den Ephoren gegen ganz bestimmte Personen in jedem Fall aus konkretem Anlaß eingeleitet wurde. Es gibt keinen seriösen Grund zu der Annahme, daß die Fremdenvertreibungen systematisch vorgenommen wurden und Massencharakter trugen. Andererseits besteht eine konzeptuelle Übertreibung in dem Versuch, die gegebene Praxis auf die Zeit vom Ende des VI. Jh.s bis zum Ende des V. Jh.s vor Chr. einschränken zu wollen: in einem solchen Versuch drückt sich das untergründige Bestreben aus, die Xenelasie auf den sogenannten «Umsturz im VI. Jh.» zurückzuführen und auf dieser Grundlage eine Politik totaler spartanischer Xenophobie zu konstruieren. Der spartanische Isolatismus darf nicht zu groß dargestellt werden. Die Xenelasien sind vielmehr als spartanische Variante des diplomatischen Brauchs der *persona non grata* anzusehen.